

Модели управления жителей севернорусской деревни в постперестроечный период¹

М. Н. Архипова

Марьяна Николаевна Архипова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра прикладной истории Института общественных наук РАНХиГС. 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1; старший преподаватель МГУ имени М. В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4. E-mail: arkhipova-mn@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена управленческим практикам жителей севернорусских деревень в постперестроечный период. На примере полевого этнологического материала автора были рассмотрены практики руководителей сельских администраций одного из районов Архангельской области. В качестве источника использованы этнографические интервью с жителями деревень Архангельской области, которые с 1990-х годов занимали или продолжают занимать руководящие должности в сельских администрациях. Как показали эти интервью, многие из жителей деревень Русского Севера с ностальгией вспоминают советские годы, наделяя это время особыми признаками, такими как «стабильность», «коллективизм», «взаимопомощь», «уверенность в будущем». Автор приходит к выводу о наличии некоторой корреляции между гендерной принадлежностью руководителя и теми моделями управления, которые он выбирает. Так, женщины в своей работе чаще апеллируют к принципам коллективизма и взаимопомощи, они акцентируют внимание на помощи тем, кого считают наиболее уязвимыми категориями населения в своих деревнях (безработные, матери-одиночки и проч.). Мужчины-управленцы выбирают иную модель работы: зачастую используют административный ресурс, подключают личные связи, при этом редко упоминают социальную помощь нуждающимся односельчанам. Исследование показало, что в постсоветской деревне произошел своеобразный симбиоз нескольких управленческих моделей, которые имеют гендерные особенности в своей реализации на практике.

Ключевые слова: Русский Север, ностальгия, гендер, управленцы, власть, взаимопомощь, коллективизм, перестройка, «транзит»

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-129-143

Советский период в истории нашей страны — это, без сомнения, трудный и очень противоречивый этап. До сих пор он неоднозначно оценивается разными поколениями. Распад Советского Союза также по-разному воспринимается его бывшими гражданами. Для од-

1. Исследование проводится в рамках НИР «Социально-экономическая трансформация России в 1987–1999 гг. Между проектами реформ и социальной реальностью».

них это событие и его последствия открыли множество возможностей, для других же, напротив, стали испытанием, которое до сих пор одно из тяжелейших в жизни.

На рубеже XX–XXI веков в западной антропологии началась дискуссия об особенностях развития бывших социалистических государств. Так, были предложены теории транзита, а затем, в качестве продолжения — теории пост-транзита и пост-пост-транзита. Эти идеи наиболее четко сформулированы в работах К. Вэрдери (Verdery, 1991), М. Великоньи (Velikonja, 2009). Однако они встретили и противников. Например, в ставшей уже программной статье «Теории пост-пост-транзита: по многочисленным путям» (Buyandelgeriyn, 2008) М. Буяндельгерин с большой долей иронии отмечает бессмысленность самих понятий пост-транзитной культуры и пост-транзита как такового. Автор пишет: «Нынешнее состояние не является переходным периодом или “мостом” между социализмом и капитализмом» (Buyandelgeriyn, 2008: 235). Она считает, что нельзя говорить о скачкообразности перехода. Все факты, нарративы, память людей свидетельствуют о «неопределенности как состоянии динамического бытия» (Buyandelgeriyn, 2008: 235). Здесь уместно вспомнить статью известного советского этнолога В. В. Пименова «О некоторых закономерностях в развитии народной культуры» (Пименов, 1967), в которой еще в 1960-х годах формулировалась теория «мелких культурных скачков». Пименов отмечал, что границы в истории, важные вехи играют, разумеется, большое значение, но изменения в культуре происходят постепенно и гораздо медленнее.

Среди современных исследований в начале 2000-х годов часто затрагивался вопрос о ностальгии по социалистическому прошлому. В качестве самых ярких примеров описывали феномен «югностальгии» в Балканских странах (Velikonja, 2009, 2002) или «остальгии» в Германии (Bach, 2002). В частности, были опубликованы социологические данные, которые показывали, что «после воссоединения Германии восточные немцы больше поддерживают перераспределение и государственное вмешательство, чем западные» (Alberto, Fuchs-Schündeln, 2005: 1). Особенно это характерно для старшего поколения, которое прожило большую часть жизни в социалистическом обществе. В этом свете закономерен вопрос: возможно ли, что «жизнь в определенной системе приводит к адаптации предпочтений» (Alberto, Fuchs-Schündeln, 2005: 1517), или, напротив, такая верность прошлому является исключительно личностной особенностью?

В ходе моих полевых исследований стало очевидно, что и среди сельских жителей существуют разные точки зрения относительно перехода от советского прошлого к новым реалиям. Почти все мои информанты старше 50 лет имеют довольно продолжительный опыт жизни в советской деревне, поэтому и распад СССР они воспринимают как своеобразный надлом, который привел к кардиналь-

ным изменениям в их личной жизни и жизни общества в целом. При этом важную роль, несомненно, играют политические взгляды человека, социально-экономическое положение в прошлом и сейчас, субъективный опыт.

Гендерные исследования — очень популярное направление в социальной антропологии последних нескольких десятилетий как в отечественной, так и в зарубежной науке. При этом, как правило, гендерными исследованиями занимаются женщины. И в целом чаще всего именно женщины оказываются объектом гендерных исследований в антропологии. В данной статье я постаралась отойти от такого подхода, посвятив значительную часть своего исследования не только женщинам, но и мужчинам, точнее сказать, мужскому восприятию советского. Статья затрагивает одну из центральных и самых популярных в современной науке проблем — «гендер и власть» (Репина, 2000).

Многочисленные антропологические исследования показали, что на гендерную дифференциацию влияют глобализация, западная модель экономики, СМИ, наличие или отсутствие гражданского общества. При этом особенно рельефно проблема «гендер и власть» проявляет себя на фоне переломных эпох, какой и стала в России перестройка, когда политический аспект «гендерной дифференциации» приобрел уже другой оттенок (Репина, 2000: 129).

Однако многие работы по гендерной истории 1990-х годов основаны на формальном подходе и используют в качестве аргументов состояние формальных социальных, экономических и политических институтов. Среди обывателей и даже некоторых исследователей можно встретить довольно стереотипные представления: «Качества, якобы присущие женщинам, противопоставляют “мужским”»: женщины определяются как пассивные, мужчины — как активные, женщины описываются как эмоциональные, мужчины — как интеллектуальные, женщины полагаются “по природе” заботливыми, мужчины — “по природе” честолюбивыми» (Bridenthal, Koonz, Stuard, 1987: 1-2).

С критикой такого подхода выступила западная исследовательница Дж. Тру. Она предложила использовать для бывших социалистических стран гендерный, но при этом диалектический подход, в котором женщины являются агентами, способными приспособиться к изменениям без обязательной радикальной субъективной трансформации (True, 2003).

Данная статья посвящена одной стороне этого многогранного вопроса, а именно гендерным особенностям восприятия советского среди жителей севернорусских деревень. Многие исследователи подчеркивали тот факт, что «мужчины и женщины пережили постсоциалистические трансформации совершенно по-разному» (Buyandelgeriyun, 2008: 240). Гендер в данном случае позволяет применить «необходимую линзу для понимания нюансов хаотических и неопределенных изменений» (Buyandelgeriyun, 2008: 240). Взгляд

М. Н. Аржинова
Модели управления
жителей севернорусской деревни
в постперестроечный период

на СССР и на советское в настоящем для мужчин и женщин оказался в некоторых аспектах кардинально отличным. Именно благодаря таким, казалось бы, мелочам можно составить картину восприятия постсоветского общества более объективно. В задачу автора не входит анализ советского периода, когда, вполне возможно, и произошло то разделение на разные подходы в «мужских» и «женских» моделях руководства. Априори в советской идеологии не делалось различий между гендерами в принципах формирования идентичности советского человека, однако если все же такое разделение мы предполагаем, то и трансформация мужского и женского в постперестроечный период тоже должна была идти по-разному. Но, как я уже упомянула, этот вопрос требует более подробного исследования в будущем.

В качестве полевых источников выступают интервью жителей одного из районов Архангельской области, которые проводились в разные годы начиная с 2005 года и по настоящее время, причем иногда с одним и тем же информантом удавалось поговорить несколько раз. Это позволило уточнить некоторые детали или увидеть эволюцию взглядов наших собеседников. Все имена и названия района и населенных пунктов опущены по этическим соображениям. Мною были отобраны интервью с людьми, которых в деревнях принято называть «управленцами» — это руководители администрации. Свои должности мои собеседники занимали в разное время с 1990-х годов и до сегодняшнего дня, то есть речь идет о времени перехода, или, как иногда его принято называть в историографии, «транзите», социально-экономической трансформации СССР к Российской Федерации. Моими собеседниками были мужчины и женщины в возрасте от 50 лет, чье взросление и становление происходили в советские времена. Поэтому задачей было подтвердить или опровергнуть предположение о том, что руководители сельских администраций в своей тактике работы должны были испытывать определенное влияние советской модели. Под понятием «советское» я подразумевала именно те характеристики, которые сами информанты связывали с советской эпохой.

Прежде всего жители севернорусских деревень в качестве советских принципов вспоминали коллективизм и взаимопомощь. Эти принципы, по их мнению, были залогом процветания деревень в прошлом. Стоит отметить, что подобные утверждения популярны не только среди обывателей, но и среди ряда исследователей, однако последние соотносят их не с советским прошлым, а с особенностями сельскохозяйственного региона («Жителям земледельческих районов... свойственен коллективизм, а в духовном плане — соборность» (Матонин, 2013: 50)). Еще одна популярная в историографии точка зрения — представление о том, что коллективизм и взаимопомощь свойственны именно северным регионам нашей страны. Исследователь М. В. Агапов отмечает: «Представление о наличии некоего особого “северного менталитета”, или “северного характе-

ра”, является центральным элементом северной мифологии. Приведем пример типичного высказывания: “Северяне, они лучше работают в команде. Командный дух, корпоративный, потому что выжить на севере одному достаточно сложно. У них есть такое свойство — кучковаться” (Агапов, Ключева, 2018:18).

Модели управления женщин-руководителей

Для того чтобы разобраться в представлениях самих жителей севернорусских деревень, обратимся сначала к женщинам-руководителям. Как отмечала исследовательница гендерной истории Л. П. Репина, «в научно-исторических публикациях, которые поднимают вопрос о роли гендера в распределении властных полномочий, вводится различие между, с одной стороны, легитимной политической властью... и с другой — возможностью оказывать на людей и события неформальное влияние» (Репина, 2000: 129). Женщин и их манеру управлять чаще всего относили как раз к неформальным вариантам влияния, речь даже шла о так называемых женских сетях влияния (Репина, 2000: 129).

Но сохранился ли такой подход в советскую и постсоветскую эпохи? Как писала американский антрополог Бюадельгерин, в Советском Союзе «...особая организация экономического производства спасли женщин от тирании патриархата» (Buyandelgeriyn, 2008: 242). В советском обществе женщины имели возможность наравне с мужчинами получать образование, имели доступ к должностям даже довольно высокого уровня. Поменяла ли советская социально-политическая модель отношение к женщинам во власти и отношение самих женщин к своей власти? Все мои собеседницы занимали или занимают в данный момент руководящие должности в сельских администрациях, при этом все получили образование не ниже среднего специального в советские годы.

В Архангельской области мы взяли интервью у членов совета деревни. Примечательно, что костяк этого совета — женщины. Сами они так рассказали о своей работе:

Там женщины у нас в основном: вот [называет фамилию. — М. А.], она председатель у нас там, как староста идет. В совете деревни у нас кто еще? У нас одни и те же так везде так. Ну вот... [называет имена и фамилии. — М. А.] они и в женсовете, и там... Все — женщины в основном. Ну решают, как у нас праздники, например, готовимся, и вот они приходят сюда, решают, чего, как провести, что будем проводить.

Совет деревни — выборный орган, работают в нем исключительно на общественных началах. В этой деревне параллельно существует так называемый женсовет. Его участницы незаметно даже для

самих себя стали в итоге у руля и в совете деревни. Интересно отметить, что до перестройки никто из наших собеседниц не занимал никаких руководящих должностей, они работали в школе, клубе, библиотеке, магазине и т.п. Но именно перестройка со всеми последующими трудностями вывела этих женщин на лидирующие позиции в собственной деревне.

На вопрос, что именно входит в круг их обязанностей, активистки рассказали:

И перед праздниками сейчас тоже субботники делали, тоже решали, что надо делать, список составляли: сегодня это убираем, завтра то убираем, ну территорию. Кладбище каждый год убираем ходим. Мост вот тоже строили... Безработных привлекаем через центр занятости.

Стоит подробнее остановиться на форме организации этих общественных работ. Наши собеседницы поведали, что приглашают активных работников, владельцев техники (трактора, бензопил и пр.). Но большую часть участников общественных работ составляют безработные. В современных деревнях, к сожалению, найти работу очень сложно, многие выживают благодаря своим огородам, рыболовству. Важным источником дохода являются государственные пенсии и пособия. Безработные жители встают на учет на биржу труда и получают от государства выплаты. Однако закон «О занятости населения в Российской Федерации» ограничивает срок выплат тремя месяцами, после этого человек должен отработать с официальной записью в трудовую книжку хотя бы несколько дней, и после этого вновь может встать на учет и получать пособие. Биржа труда располагается, как правило, в администрации, и работают там те же люди, что и в совете деревни. То есть у управленцев есть доступ к актуальной информации по безработным, у которых срок выплат скоро закончится. Постепенно по очереди женщины-организаторы общественных работ приглашают на них безработных и делают им запись в трудовую книжку, поскольку это официальное мероприятие со всей документацией. Люди в результате получают возможность вновь встать на учет и несколько месяцев иметь финансовую поддержку. Эта модель очень напоминает традиционные для дореволюционного Русского Севера помочи (Тихоницкая, 1934: 76), только в данном случае помочане, с одной стороны, помогают обустроить деревню, а с другой — сами оказываются в роли тех, кто получает помощь.

В работах западных антропологов, посвященных сравнению жителей бывших ГДР и ФРГ, часто исследуется аспект отношения к государству как главному донатору населения. Авторы отмечают: «Бедные, как правило, одобряют государственное вмешательство больше, чем богатые, потому что они с большей вероятностью получают выгоду от государственных трансфертов» (Alberto,

Fuchs-Schündeln, 2005: 1517). Отчасти этот тезис можно применить и к ситуации в постсоветских деревнях: жители используют государственные работы как способ получить в перспективе финансовую поддержку от того же государства. Однако не стоит упускать из виду и другое. Организаторы работ в большей степени руководствуются принципом взаимопомощи и помогают таким образом своим односельчанам. Наличие своеобразной очередности из нуждающихся говорит об особом морально-этическом подходе к решению хозяйственной проблемы.

В отечественной историографии часто такой коллективизм связывают с крестьянской общинностью в целом и с северными обычаями в частности: «Деревенская община была большой семьей, где считались нормой взаимопомощь и взаимовыручка... Работа “в помощь” не считалась формой “эксплуатации”... Общественное осуждение было высшей мерой социальной защиты» (Матонин, 2013: 50). Однако наши информантки часто говорили об этой взаимовыручке как об одном из ключевых элементов именно советского прошлого. Эта связь в целом не нова: многие современные исследователи отмечают, что «социализм ценил отношения взаимности и обязательств» (Buyandelgeriyn, 2008: 239).

О похожей модели работы нам рассказали и в другом районе Архангельской области. Каждый год в сельской местности проводится похозяйственная перепись: переписчик фиксирует подсобное хозяйство жителей деревни, записывает количество домашнего скота, техники и т.п. На эту работу обычно выделяются один-два человека, которые официально получают запись в трудовую книжку и денежное вознаграждение.

Секретарь администрации одной из деревень каждый год выступает в качестве такого переписчика. Она рассказала, что формально в качестве переписчиков она оформляет безработных матерей-одиночек. Саму работу все равно выполняет наша информантка, поскольку у нее есть опыт, кроме того, она не доверяет этим женщинам (*они и не справятся*). Вознаграждение, соответственно, тоже получает секретарь. Однако помощь состоит в том, что безработные женщины получают запись в трудовую книжку, которая им позволяет состоять на бирже труда со всеми государственными выплатами, кроме того, такая запись увеличивает формальный трудовой стаж, что важно для выхода на пенсию в будущем.

Еще раз подчеркну, что наша собеседница помогает исключительно безработным матерям-одиночкам. Она сама для себя выработала такую модель помощи. В деревне много безработных, но секретарь помогает только этой категории населения, поскольку считает их самой уязвимой и особо нуждающейся в помощи.

Самый яркий пример женщины-руководительницы, с которой нам посчастливилось встретиться во время полевых исследований, — бывшая глава сельской администрации одной из севернорусских деревень. В прошлом учительница начальных классов,

в юности — чемпионка района по лыжным гонкам, активистка, участница местного хора и других сельских активностей. В конце 1990-х — начале 2000-х годов она была избрана главой администрации в своей деревне и пробыла на этой должности два срока. Во время наших интервью информантка особенно много внимания уделяла рассказам о своей организаторской работе на руководящем посту:

У нас там совет общественности неплохо работал при администрации. Семьи все — и благополучные, и такие. И походы у нас были с родителями и детьми, и зимние катания у нас там были.

В дальнейшей полевой работе с другими жителями выяснилось, что отношение к этой женщине в деревне довольно противоречивое. Кто-то рассказывал, что ее работа была абсолютно не профессиональна, что она занималась лишь турслетами и массовыми мероприятиями, игнорируя настоящую административную работу. Но были и те, кто с благодарностью вспоминал, как в трудные времена наша героиня бросалась помогать нуждающимся, пыталась объединить деревенское общество. И тут вновь прослеживается отсылка к принципу взаимопомощи и коллективизма.

На посту руководителя сельской администрации наша героиня организовала своеобразный социально-экономический проект. Она закупала кроликов и раздавала их нуждающимся семьям, чтобы они выращивали их на мясо. Кролики довольно легки в уходе, дают большой приплод, их мясо в тяжелые годы должно было стать важным подспорьем для малоимущих семей. При этом закупала она кроликов на собственные средства, так как организовывать официальные закупки было трудно, требовалось много времени на бюрократическую волокиту, да и сама информантка считала, что раз это ее инициатива, проще сделать все самой. Как отмечала британский антрополог Ф. Хейт, противоречия между материальными и социально-моральными интересами вызывают чувства стыда, гордости, вины, коллективизма и острого дискомфорта (Heyat, 2002). Наша героиня тоже переживала за всю деревню, остро ощущала необходимость помочь всем нуждающимся в трудные времена. К сожалению, по ее словам, усилия были напрасны: все розданные кролики погибли, то есть такая оригинальная социально-экономическая программа не дала результатов.

Вообще такая модель поведения — отзывчивость к нуждам односельчан, активное участие в их жизни — была свойственна нашей информантке и до вступления на руководящий пост. В начале 1990-х годов, будучи обычной учительницей в местной школе, она предприняла другую социальную акцию. В эти тяжелые времена в российских деревнях увеличилось число пьющих, у многих учеников нашей героини были неблагополучные семьи именно из-за этой проблемы. И тогда информантка решила действовать

радикально. Она узнала, что в Архангельске есть клиника, в которой за деньги можно закодировать алкоголиков. Она решила отвезти туда самых проблемных односельчан. Наша героиня обратилась в местную администрацию, там ей согласились выделить только машину, но не деньги на саму медицинскую процедуру. И снова на собственные средства наша собеседница вывезла двенадцать человек, страдающих алкоголизмом, для кодирования. В результате и эта кампания не дала желаемых плодов: многие по прошествии времени вернулись к пагубной привычке. Но наша собеседница вспоминает эту историю как важное событие в своей жизни. И в целом, рассуждая о своей работе в качестве руководителя, информантка говорила в основном о необходимости объединять людей, проводить социальную политику, поддерживать население в трудные времена:

Ладно бы дороги. Дороги — тут можно всем миром разобратсья... Если работать, то работать хорошо. У меня везде такой принцип. Я вот если чужим что-то пообещала, я вот свое не сделаю, а обещание другому выполняю.

Итак, как видно из примеров женщин-управленцев, даже в постсоветские годы они продолжали и продолжают сегодня руководствоваться принципами, которые они сами называют советскими. Речь идет прежде всего о коллективизме и взаимопомощи внутри своей деревни.

Модели управления руководителей-мужчин

Перейдем к мужской части руководителей. Во всех без исключения интервью наши собеседники также с ностальгией вспоминали советское прошлое. Они говорили, что в те времена «было порядка больше», «люди были добрее», «помогали друг другу», «не каждый сам за себя» — то есть фактически упоминаются те же самые паттерны, что и в интервью с женщинами. Перестройка и последующий переход к новой социально-экономической системе стали серьезным испытанием и для этих людей.

Нам удалось поговорить с первым после распада Советского Союза главой сельсовета деревни в Архангельской области. Он рассказал, что в этот переходный период еще плохо была налажена вся административная система, много было неясного в распределении ведомственных обязанностей. Например, в начале 1990-х годов глава сельской администрации отвечал за деревенские школу, больницу, детский сад и прочие организации. Наш герой вспомнил эпизод, когда зимой в начале 1990-х годов на электростанции закончилась солярка, без света осталось множество домов. Глава сельсовета попытался решить этот вопрос с районным руковод-

ством, но безрезультатно. Тогда руководитель решил действовать радикально. Он вспоминает:

Мы собрали весь актив [деревни. — М. А.] и создали телеграмму. Сразу на губернатора области. Пришел на почту, телеграмму отбили, деньги заплатил. Через полчаса руководитель звонит с района...

В итоге, как уже можно догадаться, проблема с электростанцией была быстро решена. И в целом рассказ нашего информанта был полон похожих историй, когда он вынужден был действовать решительно, иногда резко, искать личные связи с руководством, беседовать, спорить, иногда идти «через голову». Интересно его замечание про нынешние времена:

Я, как ни погляжу, как ни послушаю, одни сплошные проверки, прокуратуры. Всю инициативу режут на корню.

О. Хархордин и Т. Гербер в работе «Деловая этика российских директоров: исследование промышленных предприятий Санкт-Петербурга, 1993 г.» (Kharkhordin, Gerber, 1994) отмечали, что у директоров предприятий 1990-х годов существовали три линии взаимодействия: «отношения с другими директорами, отношения с новыми рыночными реалиями и отношения с коллективом своего предприятия» (Kharkhordin, Gerber, 1994: 1076). Такую же схему можно увидеть и в подходе нашего героя: зачастую проблемы решались с применением личных связей, без отсылки к «коллективизму». Но при этом информанты-мужчины также с ностальгией вспоминали взаимопомощь и коллективизм как важные составляющие советской эпохи.

Еще один наш герой — действующий глава сельской администрации деревни Архангельской области. В своем рассказе он много внимания уделял текущим хозяйственным проблемам: устройству дорог, ремонту мостов и проч. Интересно одно его замечание. Наш собеседник отметил, что его по-прежнему воспринимают как председателя колхоза советских времен, к нему ходят жаловаться по всем вопросам, хотя, согласно новой системе, сфера ответственности главы администрации ограничена. Например:

Спрашивают, почему у нас в школе холодно? А мы что можем сделать? Ведь школа и администрация — это разные ведомства. Что мы сделать можем? Денег ведь у нас нету... Бюджет формируется в... [в районе. — М. А.]. Нам сколько дадут денег, столько мы и расходует.

Иными словами, среди жителей современных деревень еще силен образ одного начальника, который ответственен за всё в деревне;

понимание современной системы управления с ее принципами регионального и ведомственного подчинения пока что не очень распространено среди местного населения.

В современной сельской местности популярна такая модель самоорганизации населения, как территориальное общественное самоуправление (ТОС). ТОСы могут писать заявки, получать государственные деньги и использовать их для реализации местных проектов. Наш информант с нескрываемым сарказмом вспоминал, как его предшественница на посту главы администрации активно пользовалась этой опцией. Например, при ней был выигран грант на строительство моста между двумя деревнями (проблема очень насущная в целом для севернорусской местности с многочисленными реками).

Они тоже по ТОСам строили при... [называет фамилию. — М. А.]. Проверьте вы мосты-то, прежде чем принимать! Его унесло на следующий год-то. Ну ладно, еще сто тысяч дали. Они еще построили, но построили неправильно. И опять его... Надо было контролировать. Специалистов-то нету таких. Раньше старики на топор рубили, сейчас техники — не можем построить.

Наш герой тоже понимал необходимость хороших дорог между населенными пунктами, но действовал он принципиально по-другому. По его рассказам, он лично ездил в районный центр, там договаривался с дорожной службой, чтобы они чаще заезжали в их отдаленные края, запускали там грейдер несколько раз за сезон. Таким образом, вновь включается фактор личных связей, договоренностей, но не общественных организаций. И ко всем общественным работам и инициативам наш информант относился скептически. В качестве примера он рассказал, что каждый год организует субботники, но на них приходит очень мало людей, а из молодых — всего пару человек. В итоге глава администрации вновь подключил личные связи: он договорился с директором школы, которая ежегодно приводит на эти субботники учеников. Итак, «советские» методы управления с активным привлечением общественности в представлении нашего собеседника работают только при использовании административных рычагов давления.

Как можно заметить, мужчины-руководители в своей работе редко апеллируют к принципу коллективизма, они предпочитают использовать личные связи, договоренности, в крайнем случае — административный ресурс. Ни один из наших информантов в принципе не упоминал о каких-либо общественных работах, коллективных мероприятиях, в отличие от женщин-информанток. Идеи взаимопомощи и коллективизма для них близки именно в ключе воспоминаний о советском прошлом. Более важным атрибутом советского времени для них остается стабильность. А она может быть достигнута в современных условиях с использованием уже других методов управления.

Итак, при исследовании методов работы руководства постсоветских сельских администраций на Русском Севере стала очевидна интересная закономерность. Женщины чаще в своей работе обращают внимание на социальные нужды, опираются на общественные организации, пытаются создавать возможности для незащищенных слоев населения. Мужчины же выбирают иную модель руководства, хотя не скрывают свою собственную ностальгию по советскому с присущим ему духом коллективизма и взаимопомощи. Однако на практике к этим принципам они не обращаются, поскольку чаще считают их нецелесообразными в современных реалиях.

В своих работах многие антропологи, изучающие страны бывшего социалистического блока, отмечают, что «экономика действует не только по правилам, но и под влиянием воспоминаний, продолжительных отношений и исторически обоснованных культурных ценностей» (Buyandelgeriyn, 2008: 238). Наше исследование во многом подтверждает этот тезис: советские ценности кажутся нашим информанткам важными и для современного общества. А. Блох в своих работах отмечает, что женщины в принципе на себе испытали больше позитивных сторон советской системы, их социально-экономическое положение трансформировалось больше, нежели у мужчин (Bloch, 2000: 44). Советская власть дала женщинам то, чего у них раньше не было, — образование, возможность занимать руководящие должности. Возможно, именно это можно считать одной из причин такой приверженности советским моделям в руководящих практиках. Интересно, что наши информантки часто впервые проявили свои управленческие способности в постсоветские годы, при этом они обращались и обращаются сейчас к принципам управления, которые сами считают советскими.

Как отмечал исследователь В. Н. Матонин, в переходные времена «обществу нужна “точка сборки” — идеология, основанная на высоких идеалах. Абсолютные ценности нельзя придумать и навязать, но можно выстрадать и вспомнить» (Матонин, 2013: 53). Одним из таких «воспоминаний» и стали советские ценности коллективизма и взаимопомощи. Хотя, как я уже отмечала, многие исследователи соотносят их далеко не только с советским временем, наши информанты считают их именно таковыми. Полевые исследования показали, что сельские руководители в постсоветские годы фактически переосмыслили, комбинировали советские и новые принципы и модели руководства, выдавая собственный результат. Это отчасти еще раз подтверждает тезис М. Буядельгерина о том, что «...теории перехода ошибочны по своей сути; постсоциалистические системы морали и ценностей при слиянии с западными идеями приводят к непредсказуемым результатам» (Buyandelgeriyn, 2008: 240).

Таким образом, влияние советской эпохи во многом продолжает быть заметным в современной России. Это проявляется не только

в ностальгии по советскому, но и в использовании практик, которые были характерны не только для советских времен, но воспринимаются современными сельскими жителями как советские.

М. Н. Архипова
 Модели управления жителей севернорусской деревни в постперестроечный период

Библиография

- Агапов М. В., Ключева В. П. (2018). «Север зовет!»: мотив «северное притяжение» в истории освоения российской Арктики // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 6-24.
- Матонин В. Н. (2013). Локальное и универсальное в социокультурном пространстве Поонежья и Онежского Поморья // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. Т. 10. № 1. С. 48-54.
- Пименов В. В. (1967). О некоторых закономерностях в развитии народной культуры // Советская этнография. № 2. С. 3-14.
- Репина Л. П. (2000). Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории // Общественные науки и современность. № 4. С. 123-137.
- Тихоницкая Н. Н. (1934). Сельскохозяйственная толока у русских // Советская этнография. № 4. С. 73-90.
- Alberto A., Fuchs-Schündeln N. (2005). Good-bye Lenin (or not?): The effect of Communism on people's preferences // American Economic Review. Vol. 97. № 4. P. 1507-1528.
- Bach J. (2002). "The taste remains": Consumption, (n)ostalgia, and the production of East Germany // Public Culture. Vol. 14. № 3. P. 545-566.
- Bloch A. (2000). Authenticating tradition: Material culture, youth, and belonging in central Siberia // Museum Anthropology. № 23(3). P. 42-57.
- Buyandelgeriyev M. (2008). Post-post-transition theories: Walking on multiple paths // Annual Review of Anthropology. P. 235-250.
- Bridenthal R., Koontz C., Stuard S. M., (eds.) (1987). Becoming Visible: Women in European History. Boston: Houghton Mifflin.
- Heyat F. (2002). Women and the culture of entrepreneurship in Soviet and Post-Soviet Azerbaijan // Markets and Moralities. London: Routledge P. 19-31.
- Kharkhordin O., Gerber T. (1994). Russian directors' business ethic: A study of industrial enterprises in St Petersburg, 1993 // Europe-Asia Studies. Vol. 46. P. 1075-1107.
- True J. (2003). Gender, Globalization, and Postsocialism: The Czech Republic after Communism. Columbia: University Press.
- Velikonja M. (2002). Ex-Home: Balkan Culture in Slovenia after 1991 // The Balkans in Focus: Cultural Boundaries in Europe / eds. B. Törnquist-Plewa, S. Resic. Sweden: Lund. P. 189-207.
- Velikonja M. (2009). Lost in transition: Nostalgia for socialism in post-socialist countries // East European: Politics and Societies. Vol. 23. № 4. P. 535-551.
- Verdery K. (1991). Theorizing socialism: A prologue to the "tranzition" // American Ethnologist. Vol. 18. № 3. P. 419-439.

Management models of the northern Russian village in the post-perestroika period

Maryana N. Arkhipova, PhD (History), Senior Researcher, Center for Applied History, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Senior Lecturer, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. Prosp. Vernadskogo, 82, bldg. 1, Moscow, 119571, Russia. E-mail: arkhipovamn@ranepa.ru

Abstract. The article considers the management practices of the North-European Russian villagers in the post-*perestroika* period. Based on the field data, the author examines the practices of the heads of rural administrations in one district of the Arkhangelsk Region. The main field method were ethnographic interviews with villagers of the Arkhangelsk Region, who used to hold or has held leadership positions in rural administrations. The study shows that many villagers remember the Soviet past with nostalgia, which is explained by its special qualities — ‘stability’, ‘collectivism’, ‘mutual assistance’, ‘confidence in the future’. The author argues that there is some correlation between gender and chosen management models: as a rule, women emphasize the principles of collectivism and mutual assistance, focus on helping the most vulnerable groups in their villages (unemployed, single mothers, etc.); while men prefer administrative resources and personal connections, often ignoring the needs of their fellow villagers. The study showed that in the post-Soviet village, there was a kind of symbiosis of several management models with clear gender differences in their application.

Key words: North of European Russia, nostalgia, gender, managers, power, mutual assistance, collectivism, *perestroika*, ‘transit’

References

- Agapov M. V., Klyueva V. P. (2018) “Sever zovjot!": motiv “severnoe prityazhenie” v istorii osvoeniya rossijskoj Arktiki [“The North is calling!": The motif “Northern attraction” in the history of the development of the Russian Arctic], *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya*, no 4, pp. 6–24.
- Matonin V. N. (2013) Lokalnoe u universalnoe v sotsiokulturnom prostranstve Ponezhija i Onezhskogo Pomoriya [Local and universal in the social-cultural space of the Onega Region and Onega Pomorie], *Vestnik Severo-Vostochnogo Federalnogo Universiteta imeni M. K. Ammosova*, vol. 10, no 1, pp. 48–54.
- Pimenov V. V. (1967) O nekotoryh zakonomernostyah v razvitii narodnoj kultury [On some regularities in the development of folk culture], *Sovetskaya Etnografiya*, no 2, pp. 3–14.
- Repina L. P. (2000) Pol, vlast i kontseptsiya “razdelennyh sfer”: ot istorii zhenshchin k gendernoj istorii [Gender, power and the concept of “divided spheres”: From history of women to gender history], *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, no 4, pp. 123–137.
- Tikhonitskaya N. N. (1934) Selskokhozyajstvennaya toloka u russkikh [Russians’ collective agricultural works], *Sovetskaya Etnografiya*, no 4, pp. 73–90.
- Alberto A., Fuchs-Schündeln N. (2005) Good-bye Lenin (or not?): The effect of communism on people’s preferences, *American Economic Review*, vol. 97, no 4, pp. 1507–1528.
- Bach J. (2002) “The taste remains”: Consumption, (n)ostalgia, and the production of East Germany, *Public Culture*, vol. 14, no 3, pp. 545–566.
- Bloch A. (2000) Authenticating tradition: Material culture, youth, and belonging in central Siberia, *Museum Anthropology*, vol. 23, no 3, pp. 42–57.
- Buyandelgeriy M. (2008) Post-post-transition theories: Walking on multiple paths, *Annual Review of Anthropology*, pp. 235–250.
- Bridenthal R., Koontz C., Stuard S. M. (Eds.) (1987) *Becoming Visible: Women in European History*, Boston: Houghton Mifflin.
- Heyat F. (2002) Women and the culture of entrepreneurship in Soviet and Post-Soviet Azerbaijan, *Markets and Moralities*, London: Routledge, pp. 19–31.
- Kharkhordin O., Gerber T. (1994) Russian directors’ business ethic: A study of industrial enterprises in Saint Petersburg, 1993, *Europe-Asia Studies*, vol. 46, pp. 1075–1107.

- True J. (2003) *Gender, Globalization, and Post-Socialism: The Czech Republic after Communism*, Columbia: University Press.
- Velikonja M. (2002) Ex-home: "Balkan culture" in Slovenia after 1991, *The Balkans in Focus: Cultural Boundaries in Europe*, Ed. by B. Törnquist-Plewa, S. Resic, Lund, pp. 189–207.
- Velikonja M. (2009) Lost in transition nostalgia for Socialism in Post-Socialist countries, *East European: Politics and Societies*, vol. 23, no 4, pp. 535–551.
- Verdery K. (1991) Theorizing socialism: A prologue to the "tranzition", *American Ethnologist*, vol. 18, no 3, pp. 419–439.

М. Н. Архинова
Модели управления
жителей севернорусской деревни
в постперестроечный период